

Е. Н. Ашихмина

ЛИЦА В ОКРУЖЕНИИ ФЕТА: РАТЫНСКИЙ, ЛОРЕНЦ, ЛИЗАНДЕР

В числе орловских знакомых Фета имелось несколько лиц, знакомство с которыми оказалось знаковым для поэта. Двое из них — Н. А. Ратынский и Д. К. Лизандер — были связаны со временем его студенчества в Московском университете, были отмечены вниманием Фета и остались в его воспоминаниях; обоим посвящены биографические статьи в словаре Брокгауза и Ефрона. Третий — В. И. Лоренц, известный орловский доктор, длительно присутствовал в жизни Фета в периоды болезни его матери и сестры Надежды. Прямо или опосредованно Ратынский, Лоренц и Лизандер вошли в круг людей, эмоционально связанных с событиями жизни великого поэта, и в этом качестве интересны литературоведам.

«Через Ратынского познакомился я с двумя орловскими земляками-студентами, жившими на одной квартире: Гриневым и поэтом Лизандром», — пишет Фет в воспоминаниях «Ранние годы моей жизни».¹ Личность Гринева еще предстоит прояснить. Носители распространенной дворянской фамилии, Гриневы обитали во многих уездах Орловской губернии; не один из них получил высшее образование в Москве. Лизандер, или, как на «исторический» лад называет его Фет, Лизандр, представляет собой личность более известную.

Дмитрий Карлович фон Лизандер (1824–1894), прибыв в Москву, вначале учился в пансионе Погодина, позже — на юридическом факультете Московского университета. Отцом Дмитрия был предводитель дворянства Дмитровского уезда Орловской губернии полковник

¹ *РГ. С.* 172.

Карл Еремеевич фон Лизандер (1797² — не ранее 1852). Юный студент университета мог им гордиться. Карл Еремеевич, сын отставного поручика, происходивший «из Курляндского шляхетства»,³ окончил 2-й кадетский корпус и был выпущен из него подпоручиком в Киевскую артиллерийскую бригаду (15 ноября 1807 года). Будучи переведенным во 2-ю запасную бригаду (16 марта 1811 года), встретил в ее составе Отечественную войну 1812 года и стал непосредственным участником основных ее битв «при ретираде за Москву» — в Бородинской, в Тарутинском маневре, в других сражениях. За особенное героическое проявление в бою под Малым Ярославцем, Лизандер «лично генерал-фельдмаршалом князем М. И. Кутузовым-Смоленским» через чины был произведен из подпоручиков в штабс-капитаны.⁴ Кутузов не знал в точности звание Лизандера и произвел его в штабс-капитаны ошибочно;⁵ однако тот все-таки был утвержден в новом чине «высочайшим приказом 10 октября 1814».⁶ Находясь в заграничных походах в составе русской армии, Карл Лизандер воевал в Силезии, Пруссии, Саксонии, Богемии, Баварии, в Австрии, Царстве Польском и Швейцарии; с боями прошел Францию до Парижа; он — участник взятия французской столицы; имел серебряные медали «В память отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа 19 марта 1814 года».⁷ Вернувшись в 1815 году в Россию, Лизандер продолжил военную службу. В 1827 году он был награжден орденом св. Владимира 4 степени.⁸ В отставку вышел с должности командира Севастопольского артиллерийского гарнизона — был уволен по болезни полковником «с мундиром и пенсионом 1/3 жалованья», которое получал из Дмитровского уездного казначейства Орловской губернии. В течение десяти лет — с 1839 по 1849 год — избирался предводителем дворянства Дмитровского уезда.⁹ Как раз в это время его сын Дмитрий учился в Московском университете.

² Дата рождения приводится по формулярному списку К. Е. Лизандера (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2327. Л. 119 об.). Возможно, его возраст — 42 года в 1839 г. — был произвольно перенесен из более раннего списка.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 120.

⁵ О том, что перемещение из подпоручиков в штабс-капитаны было сделано по ошибке, свидетельствует формулярный список К. Е. Лизандера (Там же).

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 119 об.

⁸ Там же. Л. 120.

⁹ Предводитель дворянства Дмитровского уезда К. Е. Лизандер был лишен своей должности и предан суду вместе с предводителем дворянства Кромского уезда А. Трубецким по окончании следствия по делу об уголовных преступлениях князя С. Трубецкого и его жены против крепостных крестьян. Имения преступни-

Не меньше оснований для гордости представлял и род матери: Дмитрий являлся внучатым племянником Ф. И. Тютчева. Пелагея Дмитриевна Тютчева, дочь помещика того же Дмитровского уезда Орловской губернии, приходилась поэту двоюродной сестрой. Ее отец, отставной полковник Дмитрий Николаевич Тютчев, в честь которого, вероятно, и назвали Лизандера-младшего, был известен «в деяниях своих всей губернии Орловской, а еще более Курской»¹⁰ как человек «приобъкший» «делать людям обиды».¹¹ В числе его «деяний» были неоднократные разбои.¹²

Разбойник Тютчев, однако, был патриотом. В 1812 году он на свои средства обмундировал и вооружил 50 государственных крестьян, возглавил их конный отряд и нес кордонную службу на границе Рославльского и Брянского уездов, пока не исчезла опасность французского вторжения.¹³

И он тоже писал стихи. Одна из од Д. Н. Тютчева даже была напечатана в 1894 году в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии». Брянский исследователь В. В. Крашенинников сообщает, что извест-

ков находились в обоих уездах, и предводители дворянства обвинялись в том, что они вовремя не обнаружили преступлений и не доложили о них. «Решением Правительствующего Сената, указом <...> от 16 июня 1849 г. за № 1130, определено: бывшим предводителям дворянства Кромского и Дмитровского уездов — поручику князю Александру Трубецкому, полковнику Лизандеру, отрешенным от должности и преданным суду по высочайшему повелению за нерадение в исправлении должности, имевшем последствием важные беспорядки, сделать на основании 43 и 442 ст. Уложения в присутствии суда при открытых дверях строжайший выговор со внесением его в послужные их списки» (ГАОО. Ф. 580. Оп. 2. Д. 633. 118 об.). В 1850 г. дело К. Е. Лизандера было окончено, и ему вновь разрешалось баллотироваться на дворянские должности, в связи с чем он был заявлен на должность кандидата предводителя дворянства Дмитровского уезда (см. подробнее: *Ашихмина Е. Н. Лесков в Орле*. Орел, 2010. С. 102).

¹⁰ Имение Д. Н. Тютчева Ажово находилось на границе Орловской и Курской губерний.

¹¹ *Крашенинников В. В.* Культурный и научный потенциал региона: общее прошлое, общее будущее // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 28–29 марта 2002. Орел, 2002. С. 18.

¹² Так, в 1820 г. поверенный карачевских питейных сборов Чаблоков подавал жалобу на помещика Дмитрия Тютчева, совершившего «вместе с неизвестными людьми» разбойное нападение на поверенного Масленникова и его служителя. «Абои ограблены оным», — писал Чаблоков (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2267. Л. 657 об.). Следствие по делу Тютчева вел тогда дворянский заседатель Орловской уголовной палаты коллежский ассессор Иван Васильевич Казьмин совместно с карачевским земским исправником и уездным стряпчим. Дело в итоге было передано в уездный суд (Там же).

¹³ *Крашенинников В. В.* Культурный и научный потенциал региона. С. 18.

ный дореволюционный орловский краевед А. Г. Пупарев лично видел рукописи стихов Д. Н. Тютчева, но сохранились ли они до нынешнего времени, остается неизвестным.¹⁴ Вступавший в жизнь Дмитрий Лизандер не мог не знать о семейных традициях стихотворчества Тютчевых.

В приданое за Пелагеей Тютчевой Карл Лизандер получил д. Журиничи Брянского уезда Орловской губернии. Но главным имением, доставшимся дочери от отца, было Ажово Дмитровского уезда.¹⁵ В определенной степени оно и служило источником вдохновения Лизандера. По данным 1852 года, оба имения были проданы с аукциона как заложенные и просроченные по выплате долга.¹⁶

Дмитрий Лизандер начал поэтические опыты в ранней юности и в университетские годы уже выступал как довольно опытный поэт. Свою первую поэму он издал в 1840 году, будучи студентом-второкурсником. В стихах предпочитал форму сонета. Но в том же 1840 году и у Фета при участии Аполлона Григорьева вышел сборник стихов «Лирический Пантеон», а в 1842 году появились публикации в журналах «Москвитянин» и «Отечественные записки». Разумеется, Лизандер был интересен юному Фету и как собрат по перу, и как земляк. Оба они были поклонниками «чистого искусства». Не исключено, что в беседах с Лизандером Фет утверждался в своих представлениях о творчестве как таковом, с чем-то соглашался, что-то отвергал и т. д. В любом случае такие разговоры, пусть и редкие, если они вообще имели место, были полезны обоим литераторам, университетским студентам. «Покойный принадлежал к числу старейших воспитанников Московского университета, где окончил курс на юридическом факультете, с званием действительного студента, в 1843 году. Но, кроме того, он справедливо считался одним из давнишних русских писателей», — сообщал в некрологе Д. К. Лизандера известный историк литературы и библиограф Д. Д. Языков.¹⁷ «Еще находясь на втором курсе, — продолжал он, — Дмитрий Карлович издал поэму, в двух частях, под заглавием: „Запорожцы“ (М. 1840 года). Затем, также студентом, в 1842 году, он выступил на страницах „Библиотеки для чтения“ с несколькими стихотворениями, как, например, „Воспоминание“ (1842 года, кн. 6), „Две ночи“ (кн. 8), „Повесть сердца“ (1843 года, кн. 4) и многие другие.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Дмитрий Лизандер был старшим сыном К. Е. и П. Д. Лизандеров. Согласно формулярному списку К. Е. Лизандера от 1839 г., в семье были дети: Авдотья, 9 лет, Федор, 6 лет. Позже родилась Анастасия (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2327. Л. 120).

¹⁶ *Орл губ вед.* 1852. 11 октября. № 41. С. 520.

¹⁷ Д. <Языков Д. Д.> Дмитрий Карлович фон Лизандер (Некролог) // *МВед.* 1894. 16 апреля. № 105. С. 4.

Уже через два года эти ранние плоды поэзии были напечатаны отдельно, под простым заглавием „Стихотворения Д. фон Лизандера“ (М. 1845 г.), а позже новые произведения, именно сорок пять сонетов, вышли под названием: „Лучи и тени“ (М. 1859 г.)». ¹⁸

Поэты и критики не обходили вниманием творчество Лизандера. Их отзывы, как правило, были строгими. Автор биографической статьи о поэте в словаре Брокгауза и Ефрона, признавая определенную популярность Лизандера в 40-х годах XIX века и отдавая ему должное в том, что «некоторые стихотворения Л., поэта чистого искусства, художественны и пластичны», тем не менее отмечал, что «любимую его формою был мало подходящий к русскому стихосложению сонет». ¹⁹ Однако никто из рецензентов не усомнился в поэтическом даре Дмитрия Лизандера. Так, Н. А. Некрасов в статье «Русские второстепенные поэты», вышедшей в первом номере «Современника» за 1850 год, приводит в качестве лучших два стихотворения Лизандера — «Дорога» и «В забвении нежном на грудь мою тихо поникнув...». «Второе — прекрасно, — пишет Некрасов, — жаль только, что оно также не чуждо тяжелой напряженности и книжных оборотов». ²⁰ В той же статье Некрасов дал высокую оценку Ф. И. Тютчеву. О творчестве Д. Лизандера в 1859 году писал Н. А. Добролюбов в статье «Лучи и Тени, сонеты фон-Лизандера». Неизвестно, каково было отношение самого Лизандера к подобным оценкам его творчества. Как сочинитель, он не мог не понимать значение творчества Тютчева и Фета и, может быть, поэтому все реже и реже печатал свои стихи. Однако поэтом он быть не перестал и в 1892 году, то есть за два года до смерти, выпустил в Москве сборник стихов под многозначным заглавием «Перед закатом. Очерки дум и природы, и песни о любви». Литературовед О. В. Мирошникова, особо выделяя этот сборник, считает, что каждый цикл в произведении воплощает грань единого авторского мироотношения. ²¹ Умер Лизандер в Москве 13 апреля 1894 года. После отпевания в церкви св. Николая, что в Хлынове, близ Большой Никитской, поэт был погребен на Ваганьковском кладбище.

Николай Антонович Ратынский (1821—1887), ²² еще один студенческий знакомец Фета, являл собой многогранную и достаточно своеобразную личность. «Между обычными посетителями григорьевского

¹⁸ Д. <Языков Д. Д.> Дмитрий Карлович фон Лизандер (Некролог). С. 4.

¹⁹ Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. XVІІа. С. 667.

²⁰ Некрасов. Т. 11. Кн. 2. С. 41.

²¹ Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. Омск, 2004. С. 54.

²² Известно, что Н. А. Ратынский родился в Орле 23 ноября 1821 г.

мезонина стал появляться неистощимый рассказчик и юморист, однокурсник и товарищ Григорьева Ник<олай> Антонович Ратынский, сын помещика Орловской губернии Дмитровского уезда; он, кажется, не получал от отца никакого содержания и вынужден был давать уроки», — напишет о нем Фет.²³ Ратынский, как мы знаем, и познакомил Фета с Лизандером. Он же передал поэту пожелание критика В. П. Боткина встретиться с Фетом: «Однажды Ратынский, пришедши к нам, заявил, что критик „Отечественных записок“ Васил<ий> Петров<ич> Боткин желает со мной познакомиться, и просил его, Ратынского, привести меня. Ратынский в то время был в доме Боткиных своим человеком, так как приходил младшим девочкам давать уроки. Боткин жил в отдельном флигеле и в 30 лет от роду пользовался семейным столом и получал от отца 1000 руб. в год».²⁴

Фету Ратынский был интересен как собеседник, к тому же увлекавшийся поэзией. Кроме того, Ратынский играл не последнюю роль в орловском землячестве, где Фета числили «в своих». Через того же Ратынского Гринева приглашал земляка Фета на обед, который студент давал на своей квартире в честь получения денег в Опекунском совете за заложенное имение. Вечер с его «любезными хозяевами» Гриневым и Лизандером остался в памяти у Фета.

Ратынский и Лизандер, вероятно, знали друг друга до университета. Их родители были знакомы. Находясь в отставке, отцы обоих служили в Дмитровске. В то время, когда К. Е. Лизандер возглавлял местное дворянство, отставной ротмистр Антон Иванович Ратынский, бывший земский исправник того же уезда, являлся Почетным смотрителем Дмитровского училища, в котором впоследствии учился брат Ратынского Иван. В том же уезде у К. Е. Лизандера и А. И. Ратынского имелись небольшие владения. Оба дмитровских помещика воевали в Отечественной войне 1812 года, оба бились при Бородино, участвовали в заграничных походах русской армии, брали Париж. Как и Дмитрий Лизандер, старший сын Антона Ивановича Николай имел все основания гордиться военной биографией отца. Ратынский-старший (1789 — не ранее 1860) так же, как и Лизандер, награждался серебряными медалями «За взятие Парижа 19 марта 1814 года» и «В память отечественной войны 1812 года». По происхождению из дворян Орловской губернии, А. И. Ратынский в 1806 году вступил в службу в Глуховский кирасирский полк юнкером.²⁵ Корнетом стал в 1809 году, провоевав в боях антифранцузской коалиции (1807—1809). Как свидетельствует

²³ *РГ.* С. 172.

²⁴ Там же. С. 205.

²⁵ *ГАОО.* Ф. 4. Оп. 1. Д. 2304. Л. 686.

его формулярный список, Ратынский «с начала кампании» стал участником основных сражений Отечественной войны 1812 года.²⁶ «За отличие» в Бородинском сражении Антон Иванович был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» (оружие вручено 1 октября 1812 года).²⁷ В битве при Бородино Ратынский получил пулевое ранение в подбородок. Как и Лизандер, Ратынский сражался под Малым Ярославцем, под Вязьмой, под г. Красным, затем при Лютцене, под Бауценом, Рейхенбахом, Дрезденом, при Кульме; участвовал в «битве народов» под Лейпцигом, «был в делах» при Ла-Ротъене. 8 февраля 1814 года он стал кавалером ордена св. Анны 4-й степени. Отличился Ратынский и в «авангардных боях» за французскую столицу: «Получил монаршее благоволение за оказанное военное геройство при взятии города Парижа» (24 сентября 1814 года). Поручик — в 1815-м, штаб-ротмистр — в 1818 году. «Уволен за ранами от службы» в звании ротмистра «с мундиром и пенсионом жалованья» (1821).²⁸ Выйдя в отставку, Ратынский вернулся в Орловскую губернию.²⁹ В течение трех трехлетий он избирался дворянством в Дмитровский земский суд исправником (1827—1836), а в феврале 1837 года стал Почетным смотрителем Дмитровского уездного училища.³⁰

Но боевые заслуги не означали материального благополучия. Ратынские являлись владельцами небольшого имения Ключникова пустошь, где им принадлежали 1-я и 5-я части.³¹ Серьезного дохода поместье не давало. Между тем в семье Ратынских подрастали дети,³² родители стремились дать им достойное образование. Вот почему старший сын отставного ротмистра Николай, будучи студентом, вынужден был давать уроки.

Окончив Московский университет со степенью кандидата, Ратынский служит при канцелярии Петербургского военного губернатора

²⁶ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2304. Л. 690.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 630. Л. 86 об.

²⁹ См. подробнее: *Ашихмина Е. Н.* Орловская губерния в войне 1812 года: события и люди // Орел — город воинской славы: Материалы научно-практической конференции 18 октября 2012 года. Орел, 2013. С. 10—27.

³⁰ Там же.

³¹ Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Дмитровский уезд. Ч. 2 // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 314/2. Д. 980. Л. 14.

³² По данным на 1839 г., в семье Ратынских были дети: Николай, 19, Василий, 18, Сергей, 14, Иван, 13, Екатерина 16, Екатерина (меньшая), 13. Сыновья Николай и Василий получали образование в «Московском дворянском институте», Сергей и Иван — в Орловской губернской гимназии, дочери — в Екатерининском институте благородных девиц Санкт-Петербурга (ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 630. Л. 90).

(коллежский секретарь в 1843 году), затем переходит в Министерство внутренних дел, где выполняет обязанности чиновника особых поручений в Статистическом комитете. 1860-е годы проводит в Орле. Возможно, его отъезд из Петербурга был связан с дознанием по делу петрашевцев. Ратынский был знаком с М. В. Петрашевским, допрашивался по его делу.

В Орле Ратынский становится действительным членом Орловского губернского статистического комитета. Именно ему губернатор В. И. Сафонович поручает составление первой «Памятной книжки Орловской губернии» на 1860 год. Она положила начало целому ряду ежегодных справочных изданий, выходявших в Орле до 1917 года. Памятные книги и Адрес-календари содержали сведения по статистике, истории, административному устройству губернии; содержали данные об образовательных и общественных учреждениях, о чиновниках, докторах и иных лицах. В Орловской губернии в родном Дмитровском уезде Ратынский покупает «Прохоровой пустоши часть, на которой ныне поселена деревня Прилепы». ³³ В Генеральном межевании за 1867 год она отмечена как владение «статского советника и кавалера Николая Антоновича Ратынского». ³⁴ В собственности его супруги, урожденной Шеншиной, находилось также небольшое мценское имение Чижи Михайловской волости. ³⁵

В Орле Ратынский был вхож в дом орловского губернатора В. И. Сафоновича, который слыл любителем искусств и литературы. По понедельникам в губернаторском доме проходили «приемы общества», здесь звучала музыка, были танцы. Три дочери Сафоновича неплохо пели, они устраивали первые спектакли в Орловском Бахтина кадетском корпусе и в гимназии, давали концерты с благотворительными целями. С конца 1860 года Сафонович занимался созданием комиссии по устройству крестьянского быта, затем возглавлял эту комиссию. В губернаторство Сафоновича вышел Манифест «О все милостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 года. Перед административным корпусом вставали новые задачи, традиционные методы управления уходили в прошлое. Прежние отношения с крестьянами были уже невозможны, новые подходы лишь вырабатывались, и далеко не все были согласны с управлением Сафоновича. Некоторые дворяне считали, что губернатор — недостаточно волевой, чтобы сдерживать излишнее рвение жаждавших активных реформ; иные, напротив, утверждали,

³³ Межевой Отдел... Дмитровский уезд. Ч. 2. Л. 22 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Мценский уезд. М., 1886. Вып. 1. С. 400.

что Сафонович консерватор и будет всячески сопротивляться нововведениям. «Говорили, что „губернатор стар и уже не в силах справляться с губернией в такое смутное время“, — вспоминала дочь губернатора Ольга Валериановна Страхова. — Либеральная молодежь воображала себя чуть ли не накануне парижского террора 1792 года. Как это ни невероятно, но некоторые лица брали меры и даже писали завещания (так и муж мой написал завещание в мою пользу, о чем я только позднее узнала)». ³⁶ В числе тех, кто считал, что Сафонович являлся неподходящей кандидатурой для управления губернией в новой ситуации, Страхова называет Ратынского: «Были люди, утверждавшие, что губернатор не годится, т. к. он якобы крепостник, не подходящий к либеральным требованиям времени. Исходило это, будто бы, от Николая Антоновича Ратынского, умнейшего, но коварного человека. Он был близок в нашем доме, жена его (урожденная Шеншина) была в лучших отношениях с богатейшим помещиком Орловской губернии Виктором Владимировичем Апраксиным и его супругою Александрой Михайловной (урожденной Пашковой), любимицею императрицы Марии Александровны, которая проездом через Орел останавливалась у нее в доме. Сам Ратынский имел знакомства и вес в Петербурге. Может быть, он там и сказал что-нибудь очень веское про моего отца. Подробно мы этого никогда не знали; но дело было сделано, и последствия это доказали». ³⁷ Мнение О. В. Страховой об уме Ратынского разделял и П. П. Вяземский. «Н. А. Ратынского князь считал очень умным человеком и охотно его слушал», — отмечает историк литературы Е. Н. Опочинин, повествуя о заседаниях Общества любителей древней письменности. ³⁸

Н. А. Ратынский был женат на орловской дворянке Александре Александровне Шеншиной. В Орле он проживал в приходе кафедрального собора Павла Исповедника. Здесь Николай Антонович крестил

³⁶ *Страхова О. В.* Дополнение к воспоминаниям В. И. Сафоновича // Орловский гражданский губернатор В. И. Сафонович. Орел, 2004. С. 35. О. В. Сафонович была замужем за двоюродным братом Н. С. Лескова губернским секретарем Митрофаном Михайловичем Страховым. В начале 1862 г. В. И. Сафонович вместе с теткой Лескова Н. П. Константиновой был приемником у купели дочери Страховых Ольги (ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3245. Л. 164 об.).

³⁷ *Страхова О. В.* Дополнение к воспоминаниям В. И. Сафоновича. С. 35—36.

³⁸ *Опочинин Е. Н.* Князь Павел Петрович Вяземский. URL: http://dugward.ru/library/vyazemskiy/opochinin_vyazemskiy.html (дата обращения: 12.06.2018). Еврений Николаевич *Опочинин* (1858—1928), русский литератор, редактор внутреннего отдела газеты «Правительственный вестник». Происходил из дворянского рода Опочининых Ярославской губернии. Работал в музее древностей под руководством П. П. Вяземского.

свою дочь Варвару,³⁹ здесь он сам не раз выступал крестным отцом;⁴⁰ здесь крестили детей его дворовые люди. Студенческий друг Фета вращался в Орле в высшем дворянском обществе, которое составляли губернатор, предводители орловского дворянства В. В. Апраксин и В. Я. Скарятин, а также такие «значачие» фигуры, как Е. А. Мовчан⁴¹ и Н. П. Барышников,⁴² люди из окружения губернатора — зять Сафоновича М. М. Страхов и его мать Н. П. Константинова. Были, разумеется, и другие. Мы приводим лишь тех орловских знакомцев Ратынского, что подтверждены документально.

Вероятно, неплохо знал Ратынского и Н. С. Лесков. Писатель даже ссылается на него в «Юдоли», где прямо указывает на старое знакомство Ратынского с его семейством: «Недавно умерший Николай Антонович Ратынский, который был значительно меня старше и знал наше орловское родство, говорил мне, будто Тургенев с тети Полли нарисовал в своем „Помещике“ ту барыню, о которой сказал, что она „была не вздор в наш век болезненный и хилый“. Разумеется, описанное в „Помещике“ лицо имело сходство с тетей Полли только во внешности, а в свойствах духа у них была схожесть разве в „победоносности“ и в неукротимой энергии и настойчивости».⁴³ Николая Ратынского Лесков мог знать и через «петербургских» орловчан, и через Страховых-Константиновых, и через родного брата Ратынского Ивана. Тот значится в ведомости о молодых дворянах Орловской казенной палаты с 1845 года,⁴⁴ а в мае 1847 года на службу в Орловскую палату Уголовного суда поступил Лесков. В перерывах молодые служащие палат встречались. Лесков пишет об этом в «Язвительном»: «Я и мои товарищи <...> не

³⁹ ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3245. Л. 75 об.

⁴⁰ Там же. Л. 75 об., 174 об., 272 об.

⁴¹ Елизавета Андреевна Мовчан, хорошая знакомая Фета, стала крестной матерью Варвары Ратынской. См. подробнее: Ашихмина Е. Н. Мценские родственники, друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний «Ранние годы моей жизни» // *ФетСб(2)*. С. 102.

⁴² В январе 1864 г. коллежский советник Ратынский стал восприемником у купели Марии Барышниковой, дочери Почетного попечителя Орловского уездного училища, члена Орловской ученой архивной комиссии Николая Петрова Барышникова, считавшегося, пусть и безосновательно, прототипом Федора Лаврецкого из тургеневского «Дворянского гнезда» (см.: Там же).

⁴³ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 9. С. 280. Далее ссылки на это издание: Лесков, с указанием номера тома и страницы.

⁴⁴ Несмотря на то, что в формулярном списке отца А. И. Ратынского сказано, что Иван учился в Орловской губернской гимназии, тот, вероятно, был переведен оттуда в Дмитровск, окончил Дмитровское уездное училище, а затем сумел получить образование в Московском дворянском институте (см.: ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 450. Л. 6 об.).

обязаны были сидеть в канцелярии и потому не нуждались вовсе в канцелярских курительных закоулках; но все-таки каждый из нас считал своею обязанностью прийти покоптить папиросным дымом стены комнаты, находившейся за правительским кабинетом. Эта комната была для нас сборным местом, в которое всякий спешил поболтать, посплетничать, посмеяться и посоветоваться». ⁴⁵ Иван Ратынский и Николай Лесков, судя по всему, тоже не раз встречались в курилке — штат сотрудников присутственных мест был не слишком велик.

С юности находясь в окружении людей, тесно связанных с литературой, Ратынский и сам пробовал перо. Словарь Брокгауза и Ефрона называет его писателем. ⁴⁶ В столичных литературных кругах Ратынский был известен как библиограф, исследователь древностей и даже «великий знаток» русской поэзии. Он был завсегдатаем пятниц Я. П. Полонского. По свидетельству Опочинина, Ратынский регулярно присутствовал на заседаниях Общества любителей древней письменности: «Никаких ученых докладов он не делал никогда и оставался только серьезным и внимательным слушателем того, что говорили ученые члены и сотрудники Общества. Но иногда он делал краткие замечания, которые поражали всех своей меткостью и глубиной». ⁴⁷ Однако некоторые из изданных Ратынским работ как раз зачитывались на заседаниях этого Общества. Отдельным оттиском, например, вышел доклад Ратынского «Арифметика, сиречь наука числительная» о рукописи Л. Ф. Магницкого из его собственной коллекции. ⁴⁸ Тем не менее Опочинин ярко описывает ужины в Обществе любителей древней письменности, полные замечательно интересных разговоров. В числе самых ярких рассказчиков он называет актера Малого театра писателя И. Ф. Горбунова и Ратынского. Горбунов уступал место «великому знатоку русской литературы и особенно поэзии, которой Николай Антонович, по собственному признанию, с юности посвящал свои досуги. Зато и знал он всех лучших наших поэтов, начиная с Пушкина, наи-

⁴⁵ Лесков. Т. 1. С. 11.

⁴⁶ В биографической статье словаря Брокгауза и Ефрона говорится, что Н. А. Ратынский подготовил к печати издания: «Иезуиты» (ОЗ. 1844. № 1, 2), «Памятная книжка Орловской губернии на 1860 г.» (Орел, 1860), «Эпиграммы, шутки и послания Д. Т. Ленского» (Русская старина. 1880. № 10), «Арифметика, сиречь наука числительная <Л. Ф. Магницкого>» (Памятники древней письменности. СПб., 1881. Вып. 2), «Феатрон, или Позор исторический <Гавриила Бужинского>» (Там же. Вып. 4), «Двор и правительство в России сто лет тому назад» (РА. 1886. Кн. 1).

⁴⁷ Опочинин Е. Н. Указ. соч.

⁴⁸ Ратынский Н. А. Арифметика, сиречь наука числительная: Читано в заседании Общества любителей древней письменности 13 марта 1881 года. СПб., 1881. 7 с.

зуть и прекрасно читал их произведения без малейшей запинки. <...> Здесь в декламации Ратынского слышались грозные пророческие стихи Хомякова, гармонические антологии Майкова и Щербины, а иногда остроты и эпиграммы Пушкина, его шутового приятеля Сергея Александровича Соболевского и других памятных людей пушкинского времени. Философские задумчивые строфы Ф. И. Тютчева чередовались с былинными стихами А. К. Толстого <...>.⁴⁹ Хочется думать, что и стихи Фета Ратынским не были забыты. Не обходит стороной Опочинин и анекдотические случаи, связанные с Николаем Антоновичем.

В 1872 году Ратынский был назначен цензором Петербургского цензурного комитета. В этом качестве он цензуровал, например, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (в 1876 и 1877 годах). Метранпаж М. А. Александров вспоминал: «...цензор Николай Антонович Ратынский, цензуравший „Дневник“ почти все время его издания, говаривал Федору Михайловичу в шутку, что он не цензурует его, а только поправляет у него слог. Это значило, что иногда, вместо того чтобы вымарывать что-либо неудобное просто цензурскою властью, он заменял одно слово другим и тем смягчал выражение фразы».⁵⁰ Внизу страницы с этим текстом редакция «Русской старины» сделала примечание: «Пользуемся случаем, чтобы помянуть добрым словом покойного Николая Антоновича Ратынского. Этот отлично образованный человек и весьма интересный собеседник, между прочим, как цензор был человек весьма обязательный, очень начитанный, горячо любил отечественную литературу и в особенности русскую историю».⁵¹ Несмотря на непростые отношения Достоевского и его цензора, в 1880 году писатель подарил Ратынскому экземпляр «Братьев Карамазовых» со своим автографом. Известны восемь писем Ратынского к Достоевскому, написанные в 1876–1877 годах.

В 1887 году, за несколько месяцев до смерти, действительный статский советник Ратынский становится членом Совета Главного управления по делам печати. Имя Ратынского навсегда осталось в памяти Фета. Спустя двенадцать лет, проведенных поэтом вне Москвы, он привез на лечение в старую столицу сестру Надежду. Оказалось, что за время его отсутствия почти все его московские знакомые исчезли. «...Захотелось мне навеститься, не застану ли я по-прежнему на Маросейке В. П. Боткина — во флигеле, памятном столь многим литерато-

⁴⁹ Опочинин Е. Н. Указ. соч.

⁵⁰ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 гг. // Русская старина. 1892. № 4. С. 203. См. также: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 237.

⁵¹ Русская старина. 1892. № 4. С. 203.

рам, — во флигеле, куда меня ввел покойный Ник<олай> Ант<оно-вич> Ратынский, когда мы оба еще были студентами, и где я в первый раз увидел Ал. Ив. Герцена». ⁵² В тот приезд Фета в Москву Ратынский был жив, но мемуары поэтом писались позднее.

Василий Иванович (Вильгельмович?) Лоренц (1808 или 1809—1888), ⁵³ старший врач Орловского приказа общественного призрения, инспектор Орловской врачебной управы, в отличие от Лизандера и Ратынского, не имел прямого отношения к литературе. Однако на протяжении целого ряда лет он был близок к семье Фета как врач. Доктор Лоренц был в Орле человеком очень известным и в этом качестве попал на страницы книги «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова, который, рассказывая о своем герое Шульце, писал: «Наконец они встретились с Смарагдом, кажется на обеде в с. Шахове, и майор здесь совсем очаровал скучавшего епископа своими едкими сарказмами над Трубецким и доктором Лоренцем, а также и над другими видными орловскими гражданами». ⁵⁴ Врачей в Орле было немного. По приглашению они совершали дальние поездки к больным в имения. Несмотря на то, что в Мценске имелся свой городской врач, Лоренц, как один из лучших, приезжал к матери Фета в Новоселки Мценского уезда. Елизавета Петровна Шеншина опасалась, что ее болезнь связана с онкологией. «От этой мысли не могли ее отклонить ни мои уверения, ни слова навещавшего ее орловского доктора В. И. Лоренца, утверждавшего, что это не рак», — вспоминал Фет. ⁵⁵ По словам Фета, ввиду обострения болезни его мать даже «вынуждена была переехать в Орел, чтобы находиться под ежедневным надзором своего доктора Вас. Ив. Лоренца. В те времена еще не было в Орле порядочных гостиниц, и мать занимала два номера на постоялом дворе Кабанкова. Входить в бельэтаж, где помещались эти номера, надо было со двора по высокой деревянной лестнице через открытую галерею». ⁵⁶

«Формулярный список о службе и достоинстве старшего врача заведений Орловского приказа общественного призрения штаб-лекаря,

⁵² *МВ*. Ч. 1. С. 187.

⁵³ На сайте «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества» представлены следующие даты жизни В. И. Лоренца: 13 (25).2.1805, Петербург — 14 (26).6.1888, Петербург (см.: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Lorents_V_I/ (дата обращения: 12.06.2018)). Однако согласно формулярным спискам В. И. Лоренца, обнаруженным автором статьи в ГАОО, годом его рождения может быть 1808 или 1809, поскольку в 1841 г. ему было 32 года (*ГАОО*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 733. Л. 2), в 1843 г. — 35 лет (Там же. Л. 13 об.).

⁵⁴ *Лесков*. Т. 6. С. 405.

⁵⁵ *РГ*. С. 194.

⁵⁶ Там же. С. 228.

медика хирургии коллежского ассессора Лоренца»⁵⁷ и «Личное дело врача пансиона гимназии Лоренца Василия»⁵⁸ за 1841 год вполне проясняют его биографию и подтверждают, что он был весьма опытным, квалифицированным врачом.

Как и многие тогдашние врачи, Лоренц был «из немцев», точнее, «из саксонских подданных», лютеранского вероисповедания. В феврале 1824 года он окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию с отличием, поскольку был произведен в «лекари 1-го отделения».⁵⁹ Когда в конце сентября 1830 года в Москве открылась холера, «по распоряжению московского военного губернатора» Лоренц был назначен ординатором временной больницы Сретенской части и в течение всей эпидемии (с 4 октября 1830 по 10 января 1831 года) лечил больных. По представлению «начальника» больницы, сенатора, тайного советника Озерова «за отличную службу» Лоренц был награжден 300 рублями (14 июля 1831 года).⁶⁰

Но гражданская служба по каким-то причинам не устраивала Лоренца, и сразу по окончании холерной эпидемии он подал прошение о зачислении его на военно-медицинскую службу. Просьба была удовлетворена, и 28 февраля 1831 года он был определен младшим лекарем в Елисаветградский гусарский полк.⁶¹

Едва появившись в полку, Лоренц сразу оказался в эпицентре боевых действий «против польских мятежников». 14 марта того же года Елисаветградский гусарский полк пересек границу с Польшей в Брест-Литовске и, войдя «в авангард 6-го пехотного корпуса», вступил в сражения. Переведенный затем в «авангард сил главной армии», в апреле — августе 1831 года полк воевал на направлении главного удара. В формулярном списке Лоренца мы видим названия знаковых населенных пунктов: Седльце, Куфлево, Минск, Калуш, Пултуск, Лович, Варшава. Лоренц присутствовал «25 и 26 августа при генеральном сражении и взятии передовых варшавских укреплений и городского вала, 27 августа при покорении и самого города»,⁶² был под Модлиным, вновь возвращался к Варшаве, преследовал в составе своего полка остатки польской армии до прусской границы и к 1 ноября 1831 года возвратился с полком на постоянные квартиры в Кошинское воеводство. «За взятие приступом города Варшавы 25—26 августа» Лоренц

⁵⁷ ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 733. Л. 3.

⁵⁸ Там же. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Л. 1 об.

⁶⁰ Там же. Л. 2.

⁶¹ Там же. Л. 3 об.

⁶² Там же. Л. 6.

получил серебряную медаль, а по итогам всей кампании — «Польский знак отличия за военное достоинство 4 степени». ⁶³ В ходе боев Лоренц приобрел обширный опыт в области военно-полевой хирургии. Однако он считал, что нуждается в официальном подтверждении своей практической деятельности, ибо звание лекаря, даже отлично окончившего академию, давало юридическое право лишь на терапевтическую практику. Этим, судя по всему, и объясняется зачисление выпускника Санкт-Петербургской академии младшим лекарем в полк. Но Лоренц добился своего: 12 августа 1833 года он был удостоен звания «медико-хирурга» Виленской императорской медико-хирургической академией. ⁶⁴ Как правило, такая квалификация присваивалась после серьезного экзамена. После этого, 19 мая 1834 года, Лоренц был произведен в штаб-лекари, а 14 января 1839 года получил звание старшего лекаря Елисаветградского гусарского полка. Были и денежные награждения за службу: 1 мая 1836 года полковой лекарь за свое отличное усердие получил 466 рублей ассигнациями. ⁶⁵

Выйдя в отставку, Лоренц получил чин коллежского асессора (30 декабря 1839 года). По предписанию Министерства внутренних дел он получил назначение старшим врачом при «заведениях Орловского приказа общественного призрения». ⁶⁶ 1 сентября 1840 года утверждение состоялось, и Лоренц отправился в Орел. Здесь он быстро завоевывает общественное признание как знающий доктор и расширяет свою практику. 12 февраля 1841 года старший врач заведений Орловского приказа общественного призрения коллежский асессор Василий Лоренц пишет, вероятно, формальное прошение директору училищ Орловской губернии коллежскому советнику Павлу Кондратьевичу Федорову о зачислении его на вакансию врача «Благородного пансиона» Орловской гимназии, оговаривая, что жалованье свое будет жертвовать в казну пансиона. ⁶⁷ Это назначение состоялось 8 марта 1841 года. ⁶⁸ Деньги за исполнение своих обязанностей Лоренц действи-

⁶³ ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 733. Л. 4 об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 5 об.

⁶⁷ «До сведения моего дошло, что коллежский асессор Федорович, состоящий врачом при пансионе подведомой Вам гимназии, отказался от этого звания. Желая с своей стороны занять эту должность, я покорнейше прошу ходатайства Вашего высокоблагородия у начальства Харьковского учебного округа об утверждении меня в оной. Жалованье, присвоенное этому месту, я готов жертвовать в казну Пансиона. Февраля 12 дня 1841 года» (Там же. Л. 1).

⁶⁸ Там же. Л. 15.

тельно не получал. Ведомости о болезнях учеников пансиона, в котором имелся лазарет, представлял своевременно.⁶⁹ В 1843 году надворный советник Лоренц осмотрел 54 человека, в числе которых были чиновники и гимназисты.⁷⁰ В 1840—50-е годы в задачу доктора входил и осмотр кандидатов в гласные городской Думы.⁷¹ Фамилия Лоренца стоит, например, под протоколом об освидетельствовании психического здоровья одного из любимых учителей Н. С. Лескова В. В. Бернатовича (1848).⁷² Разрешение на продолжение педагогической деятельности давалось в те времена по результатам консилиума во главе с губернатором, вице-губернатором, губернским предводителем дворянства и председателями палат.⁷³ Последними в документе с вердиктом «Явить в здравом уме» расписывались врачи. В 1846 году к авторитетному мнению Лоренца в связи «с расстроенным здоровьем» обращался директор Орловской гимназии А. Я. Кронеберг.⁷⁴

Супруга Лоренца Елена Васильевна имела вероисповедание православное.⁷⁵ Их старшему сыну Николаю в 1843 году было полтора года.⁷⁶ Три сына (Николай, Александр, Виктор) и дочь Лоренца также были православными.

В 1846—1848 годах Лоренцы покупают (или строят) собственный дом в городе Орле.⁷⁷ Автором статьи установлено место расположения дома Лоренца. Записанный, как и многие городские усадьбы в Орле, на супругу, коллежскую советницу Е. В. Лоренц,⁷⁸ дом «с местом и строением» располагался в 18 квартале и был обращен фасадом на улицу Георгиевскую, ныне — ул. Тургенева. После отъезда Лоренцов из Орла и продажи ими владения, на двух участках — принадлежавшего им

⁶⁹ В июне 1841 г., например, в лазарете имелось четверо больных ангиной, четверо дизентерией, болели катаром, кому-то поставлено было нервное заболевание (Там же. Л. 10).

⁷⁰ Там же. Л. 19. Лоренц награждается чином надворного советника в 1843 г. (см.: Ведомости о повышении в чинах, перемещениях и увольнениях чиновников училищ Орловской губернии за 1842 год // Там же. Д. 813. Л. 35).

⁷¹ См., например: Материалы о проведении выборов на городские должности по городу Орлу 1850—1853 гг.: Там же. Ф. 580. Оп. 2. Д. 634. Л. 84.

⁷² Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1051. Л. 11.

⁷³ Там же. Д. 786. Л. 56 об.

⁷⁴ Там же. Д. 759. Л. 140.

⁷⁵ Там же. Д. 733. Л. 13.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Чин коллежского советника Лоренц получил в январе 1846 г., статским советником он стал в 1851 г.; дом доктора был записан на коллежскую советницу Е. В. Лоренц, то есть был куплен или построен между 1846 и 1851 г.

⁷⁸ ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 618. Л. 36 об., 37.

и смежного, занятого удельной конторой, стоявшей на углу улиц Садовой и Георгиевской, — было построено здание Орловской казенной палаты. Ныне на этом месте — УМВД России по Орловской области (ул. Тургенева, 15).

Траты, связанные с новым домом, вызвали значительные материальные затруднения семейства. В январе 1846 года Лоренц просит платить ему жалованье за службу в гимназическом пансионе, которое он «постоянно с 1840 года по 1846 жертвовал начисленное по штату 85 рублей 71 копеек, а теперь и сам имеет в оных нужду».⁷⁹ Харьковский учебный округ разрешает с января 1847 года платить Лоренцу жалованье в размере 85 рублей 71 копейки серебром в год.⁸⁰ 4 апреля 1850 года Лоренц был назначен инспектором Орловской врачебной управы. За свою профессиональную деятельность во время службы в Орле он неоднократно получал благодарности от императора и министра народного просвещения (1843), был награжден орденом св. Анны 2-й степени (1850) и св. Анны 3-й степени (1852).

Вероятно рассчитывая на более значительную, столичную практику, Лоренц уезжает в Петербург. В 1855 году в Санкт-Петербурге у него родился сын Виктор. Есть данные о том, что и сам Лоренц был уроженцем Петербурга и, возможно, хотел вернуться на родину. В 60-х годах действительный статский советник Лоренц уже служит старшим врачом петербургской больницы Всех Скорбящих для душевнобольных. Именно там в конце апреля 1864 года Лоренц начинает лечить дочь своей бывшей пациентки Шеншиной, сестру Фета Надежду Афанасьевну. Ее супруг И. П. Борисов писал И. С. Тургеневу 22 июня 1864 года: «...отвез и похоронил в больницу Всех скорбящих на 11 версте по Петергофской дороге — и там пришлось сдать ее доктору Лоренцу, старому знакомцу. Он 15 лет лечил ее мать, которая все эти годы была в сильнейшей меланхолии, — вот где и разгадка несчастной болезни — а мы никто этого вначале и не подозревали».⁸¹ О том же вспоминал и Фет: «Вернувшийся Борисов сообщил нам, что по настоятельному совету московских врачей вынужден был отвезти жену в Петербург, где и поместил ее в больнице *Всех Скорбящих* под непосредственным надзором старшего доктора, бывшего когда-то в Орле врачом покойной нашей матери».⁸²

⁷⁹ ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 618. Л. 32—32 об.

⁸⁰ В 1846 г. Лоренц как врач пансиона Орловской гимназии и старший врач заведений приказа общественного призрения получал по пансиону 85 рублей 71 коп. в год; по заведениям приказа — 257 рублей 14 коп.; квартирные — 85 рублей 71 коп. (Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 972. Л. 18 об.).

⁸¹ См.: *Письма Борисова к Тургеневу (2)*. С. 387.

⁸² *МВ*. Ч. 1. С. 436—437.

Теперь Лоренц снова присутствует в жизни Фета. Имя доктора всплывает в переписке друзей — Фета и Борисова. Например, 16 августа 1864 года Борисов сообщил Фету о том, что он получил от Лоренца письмо о Надежде Афанасьевне.⁸³ Упоминается Лоренц в связи с Н. А. Борисовой и в других письмах Борисова к Фету. Одни из самых болезненных воспоминаний поэта были, увы, связаны с Лоренцом. С ним же была связана и уверенность в том, что более, чем этот врач, никто не сможет сделать для облегчения страданий больного.

Сыновья В. И. Лоренца не пошли по его пути. Все они окончили Императорское училище правоведения. Действительный статский советник Михаил Васильевич Лоренц состоял за обер-прокурорским столом в департаменте герольдии Сената. В этом качестве он вместе с А. П. Барсуковым утверждал гербы многих известных лиц,⁸⁴ в числе которых были, например, премьер-министр С. Ю. Витте (1906) и строитель железных дорог, банкир и крупный меценат Л. С. Поляков⁸⁵ (1905), владелец села Льгов, описанного Тургеневым в одноименном рассказе из «Записок охотника».⁸⁶ Скончался М. В. Лоренц в 1911 году.⁸⁷ Титулярный советник Александр Васильевич Лоренц, старший помощник секретаря 3 департамента Сената, умер в 1871 году.⁸⁸ Кол-

⁸³ См.: *Письма Борисова* (2). С. 297. В примеч. 3 к этому письму имя Лоренца раскрывается как Михаил Вильгельмович, как он значился в адрес-календарях. На могильной плите Лоренца на Смоленском евангелическом кладбище выбито: «Василий Иванович» (см.: Петербургский некрополь: В 4 т. / Сост. В. И. Саитов, изд. вел. кн. Николай Михайлович. СПб., 1912. Т. 2. С. 692).

⁸⁴ См. подробнее: *Ерошкин Н. П.* Гербовое отделение сенатского Департамента Герольдии в начале XX века // Геральдика: Материалы и исследования. Л., 1987. С. 5—16.

⁸⁵ *Поляков* Лазарь Соломонович (1842—1914), тайный советник (с 1906 г.), председатель правления Московского международного торгового банка (1885—1908), Орловского коммерческого банка (1871—1908), Московского земельного банка (1871—1914), председатель совета Петербургско-Московского коммерческого банка (1895—1904), председатель правления Коммерческого страхового общества (1873—1908), учредитель Русского торгово-промышленного банка (1890). В 1897 г. был возведен в потомственное дворянство и получил чин действительно-го статского советника.

⁸⁶ «Льгово село и сельцо, что была пустошь Струкова действител<ьного> статс<кого> советника Лазаря Полякова. 1902» (см.: Межевой Отдел. Планы дач Генерального и Специального межеваний. Орловская губерния. Болховский уезд. Ч. 2 // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 311/2. Д. 974. Л. 43 об.).

⁸⁷ *Пашенный Н. Л.* Императорское училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. URL: <http://genrogge.ru/isj/isj-091-2.htm#v23> (дата обращения: 12.06.2018).

⁸⁸ Там же. URL: <http://genrogge.ru/isj/isj-091-2.htm#v26> (дата обращения: 12.06.2018).

лежский ассессор Виктор Васильевич Лоренц, секретарь А. Ф. Кони, скончался в 1887 году.⁸⁹

В. И. Лоренц и его сын Виктор были знакомы с Ф. М. Достоевским. В ответ на приглашение посетить рождественский вечер с елкой в Скорбященской больнице Достоевский писал Виктору Лоренцу 22 декабря 1879 года: «Весьма благодарю Вас и уважаемого мною Василия Ивановича, отца Вашего, за Ваше внимание. Вечер на 11-й версте бесспорно крайне любопытен для меня во многих отношениях. Вот только день праздника, не знаю, совпадет ли с некоторыми обстоятельствами, при которых мне возможно будет быть наверно на этом любопытнейшем вечере. Равно и „способ доставки“ на место. Если Вы будете столь добры, то благоволите уведомить меня и не оставить Вашим советом. При этом прибавлю просьбу: если б я поехал с двумя дамами (моей женой и одною из знакомых), то возможно ли это осуществить, то есть возможно ли там быть *женщинам* — это главное? Тем более я затрудняюсь, что еще не знаю наверно, поедут ли они в самом деле, хотя теперь очень желают. Но они могут быть удержаны лишь обстоятельствами. В случае если им возможно быть на празднике (как женщинам), то соблаговолите уведомить, как лучше поехать, в котором часу начнется, когда может закончиться „вечер“ (то есть в котором часу) и проч. Наконец, маршрут: не всякий извозчик знает, куда везти и проч. подробности. Сам же я, кажется, буду наверно, если только не захвораю или не потребуют меня куда-нибудь помимо моей воли. Еще раз благодарю Вас за внимание и прошу принять уверение в глубоком моем уважении».⁹⁰ Из-за болезни Достоевский не смог поехать на вечер, о чем 27 декабря 1879 года он также сообщил Виктору Лоренцу.

Люди, годами окружавшие Фета, оставшиеся в его памяти, возможно, не нашли прямого отражения в его творчестве, но, оставаясь рядом, они составили ту биографическую канву, на которой именно так, а не иначе вышивалось полотно его творческой биографии.

⁸⁹ *Пашенный Н. Л.* Императорское училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. URL: <http://genrogge.ru/isj/isj-091-3.htm#v38> (дата обращения: 12.06.2018).

⁹⁰ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 136—137. Письмо от 22 декабря 1879 г.